

К.С. ДИВИСЕНКО, А.Э. БЕЛОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОСТИ¹

Аннотация. Трансформация религиозной жизни российского общества, происходящая на протяжении последних десятилетий, определяет необходимость научного осмысления влияния религии не только на макро-, но и на микроуровень социальной реальности, в том числе на качество жизни людей. Изучение религиозности и благополучия людей стало традиционной областью анализа в зарубежной науке с конца 1980-х годов. В отечественной социологии проблема взаимосвязи качества жизни и индивидуальной духовности и религиозности мало изучена. К тому же отсутствует релевантный методический инструментарий. В настоящей статье представлен краткий обзор результатов современных зарубежных социальных исследований, посвященных эмпирическому изучению качества жизни и влияния индивидуальной духовности и религиозности на субъективное благополучие. Обзор дает представление о различных подходах к операционализации благополучия в эмпирических исследованиях, а также об используемых шкалах. Особое внимание уделяется описанию связи переменных, отражающих когнитивные и аффективные аспекты субъективного благополучия, а также факторов, которые оказывают влияние на оценку верующими собственной жизни. Отмечено влияние исповедуемой религии, межконфессиональных особенностей, ценностей и общего культурного контекста на понимание человеком благополучия и на выбор соответствующей стратегии его измерения. Завершают статью выводы, касающиеся возможности изучать влияние духовности и религиозности на субъективное благополучие в отечественном контексте.

Ключевые слова: духовность; качество жизни; религиозность; социология религии; субъективное благополучие; удовлетворенность жизнью.

Дивисенко Константин Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Социологический институт Российской академии наук (СИ РАН).

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 506.
Телефон: +7 (812) 316-21-62. **Электронная почта:** k.divisenko@socinst.ru

Белов Алексей Эдуардович — ассоциированный научный сотрудник, СИ РАН.
Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.
Электронная почта: abelov@spbcu.ru

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00138 «Духовность и субъективное благополучие: методология социологического исследования».

Для цитирования: Дивисенко К.С., Белов А.Э. Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 2. С. 51–73. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5159

В современных концепциях качества жизни (quality of life — QoL) важным элементом является категория «субъективное благополучие» (subjective well-being — SWB), введенная Э. Динером в середине 1980-х годов [14]. Субъективное благополучие представляет собой оценку людьми качества их собственной жизни в двух аспектах — когнитивном и эмоциональном. В субъективном благополучии выделяются три компонента: удовлетворенность жизнью, наличие положительных эмоций и отсутствие отрицательных.

В отличие от зарубежной науки, в отечественной социологии в силу различных обстоятельств проблемы взаимосвязи субъективного благополучия и индивидуальной духовности и религиозности² остаются малоизученными. Мы представим краткий обзор результатов современных социальных исследований, посвященных эмпирическому изучению качества жизни и влияния индивидуальной духовности и религиозности на субъективное благополучие. В частности, коснемся структуры субъективного благополучия как многомерного явления, рассмотрим различные факторы и переменные, оказывающие влияние на оценку верующими людьми собственной жизни. Особое внимание уделим психологическим и клиническим исследованиям, в которых анализируется влияние религиозности и духовности на саморегуляцию людей, находящихся в тяжелых жизненных ситуациях. В заключении обратимся к вопросам о том, как субъективные оценки

² В статье мы используем два близких понятия «духовность» и «религиозность». Под последним понимается наличие у индивида определенного сознания и поведения, которые обусловлены его религиозной верой [6, с. 213]. «Религиозность» как понятие и как социальное явление тесно связана с институционализированными религиями. Эта категория не дает возможность описать духовный опыт и практики, имеющие иные формы и содержание, чем в традиционных религиях. Духовность же как «жизнь, проживаемая в полноте уникального опыта внутренних переживаний человека» [7, с. 114], может быть связана с институционализированной религией, либо нет. Хотелось бы обратить внимание, что как в научном, так и в обыденном дискурсе существует противопоставление: «духовный, но не религиозный» [17]. Это понятие описывает людей, которые убеждены в реальности Бога (сверхъестественного, высших сил или разума и т. д.), однако не связаны ни с какими религиозными организациями. В обыденных представлениях «религиозность» у «духовных» людей может вызывать негативное отношение, поскольку в их понимании ни принадлежность церковной организации, ни выполнение религиозных обрядов не делает автоматически человека духовным.

людьми собственной жизни зависят от исповедуемой ими религии, конфессиональной принадлежности, а также ценностей и общего культурного контекста.

Оставляя за рамками статьи рассмотрение теоретических основ изучения качества жизни, отметим лишь два подхода к субъективному благополучию, принципы которых, как правило, прослеживаются в эмпирических исследованиях. Первый подход основан на работах Э. Динера и коллег [15], которыми предложена шкала удовлетворенности жизнью (Satisfaction with life scale — SWLS). Данный опросник, состоящий из пяти пунктов, ориентирован на выявление удовлетворенности респондентами их жизнью в целом (русская версия адаптирована и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным [4]). В другом подходе используется предложенный Р. Камминсом [12] индекс личного благополучия (Personal Well-being Index — PWI), фиксирующий не только степень удовлетворенности жизнью в целом, но и различные стороны жизни (life domains), которые вносят вклад в общую оценку жизни. Как правило, одна или другая модель явно или имплицитно определяет общую логику и дизайн изучения влияния религиозности и духовности на субъективное благополучие: анализируется уровень благополучия у верующих респондентов и коррелирующие переменные и / или вклад духовности / религиозности в удовлетворенность жизнью в целом.

* * *

В 1980–1990-е годы, когда проводились первые исследования субъективного благополучия в контексте религиозности, авторам приходилось говорить о том, что влияние религиозного фактора еще очень мало изучено и он, по всей видимости, играет значимую роль в оценке качества жизни верующих людей. Одной из таких пионерских работ стало исследование субъективного благополучия и религиозности в Акроне, штат Огайо [32]. В телефонном опросе приняли участие 560 респондентов, 95% из которых заявили о своей религиозной принадлежности (большинство — протестанты, на втором месте — католики). В исследовании анализировался ряд объективных и субъективных индикаторов благополучия. Субъективное благополучие рассматривалось как многомерное образование: использовались шкалы общей удовлетворенности жизнью, отрицательных эмоций, экзистенциального благополучия, а также шкала счастья.

Результаты исследования показали, что религия, наряду с другими переменными, играет позитивную роль в оценке общего благополучия. Стоит заметить, что не было выявлено значимой связи между молитвой и удовлетворенностью жизнью и счастьем, хотя молитва влияет на экзистенциальное благополучие. Оценка близости с Богом не демонстрирует тесной связи с удовлетворенностью жизнью и счастьем, но все же

она является основным фактором, влияющим на экзистенциальное благополучие. Иными словами, чувство близости с Богом свидетельствует скорее о наличии смысла и цели в жизни, нежели об эмоциональном благополучии, удовлетворенности жизнью или счастье.

В рамках исследования респондентам предлагалось оценить степень удовлетворенности своей религиозностью. Оказалось, что данный показатель является наиболее значимым фактором экзистенциального благополучия и одной из детерминант общей удовлетворенности жизнью.

Аналогично и в современных исследованиях, как правило, выявляется статистически значимая связь между различными компонентами качества жизни и переменными, характеризующими религиозность и духовность респондентов. Так, в крупном международном исследовании, проводившемся в 18 странах среди представителей различных религий (христианство, ислам, иудаизм, буддизм), использовалась методика «Духовность, религия и личные убеждения» (Spirituality, religion and personal beliefs — SRPB) [37]. Используемые шкалы отражают следующие аспекты духовной жизни: связь с духовной реальностью; смысл жизни; страх; целостность и интеграция; духовная сила; внутренний мир / безмятежность / спокойствие; надежда и оптимизм; вера. В ходе исследования было обнаружено, что данные аспекты духовности связаны с прочими переменными качества жизни, в частности, с психологическими и социальными характеристиками и вносят вклад в интегральный показатель качества жизни.

При многомерном изучении субъективного качества жизни и духовности, как правило, используются одновременно несколько методик (шкал). Так, в одном из исследований студентов американских колледжей использовано более десяти методик, ориентированных на анализ различных сторон благополучия и духовности в их взаимосвязи со *склонностью к употреблению спиртного* [22]. В исследовании анализировались различные компоненты духовности и религиозности, в частности, религиозная / духовная вовлеченность. Выявлен фактор духовного благополучия, который образовали шкалы, отражающие публичные и частные религиозные практики, внутреннюю религиозность, веру и повседневный религиозный опыт. Оказалось, что данный фактор позитивно соотносится с вовлеченностью, поиском смысла и целей в жизни, уровнем положительных эмоций и отрицательно — с негативными эмоциями и употреблением спиртного.

Уровень дохода является важным показателем, воздействующим на общее социально-психологическое самочувствие людей. В США в рамках изучения семейной жизни и отношений анализировался вопрос о том, являются ли религиозные принадлежность, убеждения и практики источником прочности и стабильности семейных отношений

американских пар с низким уровнем доходов [30]. Обнаружилось, что верующим парам более свойственно высокое качество семейных отношений, независимо от уровня их семейных доходов. Эмпирические результаты свидетельствуют, что религия может играть важную роль в жизни малообеспеченных пар. Однако религиозная принадлежность одного из супругов и его личные религиозные убеждения не столь важны. Более сильное влияние оказывают совместные молитвы и совместное посещение религиозных собраний, а также общая убежденность супругов в том, что происходящее с ними находится в согласии с Божьей волей. Важность данного исследования, по мнению авторов, заключается также и в том, что удалось провести грань между влиянием личных и общих для супругов убеждений и религиозных практик на качество семейной жизни.

На основе широкомасштабного опроса в Малайзии (1025 интервью) анализировалось влияние религии и религиозности на удовлетворенность жизнью и *ориентированность на материальные блага* [33]. Обнаружено, что уровень религиозности среди малазийцев-мусульман выше, чем среди представителей китайских и индуистских субкультур. Отмечается также, что религиозность влияет на удовлетворенность жизнью среди всех трех этнических групп. Удовлетворенность жизнью также в значительной степени влияет на материалистические установки: обратная связь более выражена в среде малазийцев, чем среди китайцев-буддистов и почти незаметна в среде индуистов. Религиозность имеет более сильную обратную связь с материализмом среди малазийцев-мусульман, чем среди потребителей в китайской и индуистской субкультурах. Иными словами, религиозность неодинаково влияет на материалистические интенции и удовлетворенность жизнью в различных религиозных субкультурах.

Интересный факт, иллюстрирующий зависимость между религиозным поведением и степенью удовлетворенности жизнью, выявлен на материалах немецкого социально-экономического панельного исследования, в котором анализировалось влияние частоты посещения религиозных собраний на удовлетворенность жизнью людей, потерявших работу [29]. На основе данных о жизненных ситуациях 5446 человек, являвшихся безработными на протяжении 1–3 лет, было обнаружено, что наименьший спад в уровне удовлетворенности жизнью наблюдался среди тех, кто посещал религиозные собрания хотя бы раз в неделю. Более того, это была единственная группа, показавшая признаки адаптации к новой жизненной ситуации. Религиозная вовлеченность снизила (хотя и в меньшей степени) негативный эффект от потери работы также среди тех, кто посещал религиозные собрания по меньшей мере раз в месяц; однако среди них не было замечено признаков адаптации к жизненной ситуации на третий год безработицы.

Таким образом, результаты указывают на то, что после потери работы регулярное посещение религиозных собраний может снижать психологический эффект безработицы и влиять на поддержание стабильного уровня субъективного благополучия.

На основе данных «Национального исследования американской жизни» (National Survey of American Life), полученных в 2001–2003 годы, проверялась гипотеза о связи религиозности с *расо-во-этнической принадлежностью и депрессией* [21]. В опросе приняли участие 3570 афроамериканцев, 1623 карибских чернокожих и 891 белый респондент. Как показал анализ данных, уровень депрессии среди афроамериканцев и карибских чернокожих значительно ниже, чем среди белых. Религиозность респондентов рассматривалась в двух планах: субъективная религиозность (индекс, построенный на пяти шкалах, отражающих самооценку значимости религии) и частота посещения церкви. Оказалось, что высокая субъективная религиозность ассоциируется с более низким уровнем депрессивности, однако она не влияет на взаимосвязь расовой принадлежности и депрессии. Также было обнаружено, что частота посещения церкви не имеет значимой связи с низким уровнем депрессивности. Как отмечают авторы, данные результаты противоречат проведенным ранее исследованиям, в которых различие в уровне депрессии у черных и белых объяснялось частотой посещения церковных служб.

В другом национальном опросе афроамериканцев (телефонное интервью, n=803) оценивались вклад социального капитала в физическое и эмоциональное состояние верующих людей, а также уровень их депрессивности [20]. Результаты свидетельствуют, что религиозные убеждения и поведение не оказывают непосредственного влияния на наличие депрессивных симптомов у верующих, однако посредническую роль между этими показателями играет такой компонент социального капитала, как «взаимосвязанность». Так, люди, которые вовлечены в религиозную жизнь общины, ощущают доверие к другим членам общины, взаимосвязь с ними и испытывают меньше депрессивных симптомов [20, p. 13].

Еще в одном исследовании религиозности афроамериканцев-баптистов (n=315) осуществлялась попытка выявить степень влияния отдельных социально-демографических переменных на особенности религиозных ориентаций, а также определить связь религиозности с уровнем депрессии [11]. Регрессионный анализ показал, что единственным предиктором внутренней религиозности является возраст (прямая зависимость), а на общий уровень религиозности влияют семейное положение (у респондентов, состоящих в браке, он выше) и уровень доходов (прямая зависимость). Связи между уровнями религиозности, депрессивности и самоуважения,

а также особенностями использования тех или иных копинг-стратегий (то есть стратегий совладания с депрессивными состояниями) выявлено не было.

Интересные *межрелигиозные особенности* взаимосвязи психического здоровья и религиозности обнаружены в исследовании качества жизни пожилых людей в Корее [31]. В исследовании приняли участие 274 респондента старше 65 лет, проживающие в Южной Корее. Более двух третей респондентов религиозны (33% протестантов; 22% католиков; 18% буддистов). Выявлены статистически значимые связи между показателями шкал депрессии, качества жизни и религиозности / духовности. У людей, находящихся в депрессии, установлены более низкие показатели качества жизни. У тех же, кто страдает депрессией, но является религиозным, эти показатели выше, чем у нерелигиозных. Обнаружено также, что организованная и неорганизованная религиозная активность и внутренняя религиозность значительно влияют на качество жизни пожилых людей. Религиозность и духовность, судя по результатам, не связаны с депрессивностью и качеством жизни среди буддистов, такая зависимость наблюдается лишь у протестантов и католиков.

* * *

Осмысленность жизни — не только один из ключевых факторов субъективного восприятия жизни, но и, по всей видимости, медиатор между религиозностью и субъективным благополучием. Данной проблематике посвящена статья, в которой анализируется уровень осмысленности собственной жизни у еврейских подростков и его влияние на суицидальные тенденции, а также его зависимость от уровня религиозности [38]. В рамках исследования случайным образом были отобраны 450 учащихся в возрасте от 15 до 18 лет, обучающихся в религиозных или светских школах, которые не имели никаких психических расстройств. Судя по полученным данным, существует значительная обратная корреляция между степенью осмысленности жизни и суицидальными наклонностями, независимо от пола или уровня религиозности. Заметим, что различий по степени суицидальных наклонностей у учащихся в связи со степенью религиозности не выявлено. Степень осмысленности жизни у верующих юношей статистически значимо выше, чем у неверующих юношей и верующих девушек. Депрессивность у неверующих учащихся выражена больше, чем у верующих. Авторы считают, что уровень осмысленности жизни находится в обратной зависимости от уровня суицидальных наклонностей, а также степени депрессивности, тревоги, чувства гнева и вины.

Подобного рода наблюдения обнаруживаются и при изучении поведения, связанного с нанесением себе несуицидальных увечий [26].

В исследовании студентов ($n=14385$) из восьми университетов выявлялись факторы, удерживающие от нанесения себе увечий. Результаты показали, что попытки самоповреждения свидетельствуют о низкой степени удовлетворенности жизнью, отсутствии смысла жизни и низком уровне духовности / религиозности.

Для верующих христиан значимой детерминантой восприятия и оценки их жизни является чувство присутствия Бога, его помощи в повседневной жизни, что связано с основными богословскими и этическими положениями христианства. На материалах опроса “2007 Baylor Religion Survey” (США, $n=1648$) обнаружено, что чувство причастности к божественному тесно взаимодействует с чувством смысла жизни и положительно соотносится с субъективным качеством жизни [24]. Обращает на себя внимание, что подобная связь варьируется в зависимости от конфессиональной принадлежности: чувство причастности к божественному оказывает значительное позитивное влияние на чувство смысла жизни среди евангельских протестантов, традиционных протестантов и католиков. Для других верующих (иудеев и людей, не относящих себя ни к какой религии), а также неверующих чувство причастности к божественному не ассоциируется со смыслом жизни.

* * *

Достаточно часто изучение субъективного благополучия и влияния на него религиозности и духовности проводится на целевых выборках, где респонденты — люди, находящиеся *в трудных жизненных ситуациях, либо имеющие определенные заболевания, то есть подверженные объективным факторам, которые снижают качество жизни*. В такого рода исследованиях рассматривается проблема саморегуляции, осуществляемой человеком, и ее роль в компенсации негативного влияния объективных детерминант, которые могут поставить под сомнение и саму религиозную веру, актуализировав проблему теодицеи на индивидуальном уровне. Рассмотрим несколько исследований, проведенных в рамках клинической психологии, медицины, социальной помощи.

При опросе амбулаторных больных ($n=80$, штат Канзас) были сделаны выводы о том, что религиозные и духовные убеждения действительно оказывают влияние на систему экзистенциальных смыслов больных [13]. Шкалы духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale — SWBS) проанализированы относительно двух основных составляющих субъективного благополучия — аффективных (удовлетворенность различными сторонами жизни, ощущение счастья) и когнитивных (соотнесение реального и идеального положения). Оказалось, что религиозные убеждения положительно влияют на каждую из этих составляющих. Обнаружена более высокая степень со-

гласия пациентов с положительными утверждениями о цели и смысле жизни, нежели об удовлетворенности жизнью или счастьем. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что религиозные и духовные убеждения помогают амбулаторным пациентам выстроить систему смыслов и найти ответы на экзистенциальные вопросы. Полученные данные также позволили утверждать, что система убеждений пациентов основана не на философских или «небогословских» системах, а на религиозных и духовных началах. Обнаружена убежденность больных в том, что Бог оказывает прямое влияние на их повседневную жизнь. В распределении ответов, касающихся понимания Бога, респонденты в большей мере склонялись к восприятию его как любящего, нежели как вседержителя (то есть «контролирующего»).

В ряде различных исследований фиксируется положительная связь между религиозностью, верой и надеждой как жизненными ресурсами, играющими значимую роль в позитивном восприятии человеком собственной жизни при неизлечимых болезнях. В исследовании израильских пациенток с диагностированным раком груди ($n=233$) было обнаружено, что религиозная идентичность оказывает значимое влияние лишь на борьбу с беспокойством [19]. Система религиозных убеждений, которая присутствует у более глубоко верующих женщин, оказывает значимое влияние на готовность бороться, но в то же время и на использование стратегий избегания и фаталистического принятия болезни. Авторы исследования объясняют это тем, что реальность страданий и вера в благость Бога могут провоцировать стрессовый диссонанс, а позитивная связь между системой верований и избеганием может быть также следствием сомнений в собственной вере. Выявлено, что чувство надежды оказывает положительное влияние на готовность бороться, а его отсутствие — на беспомощность, беспокойство и фаталистическое настроение. Регрессионный анализ показал, что надежда выступает посредником между религиозностью и копинг-стратегиями больных, усиливая положительное влияние религии на общее духовное самочувствие.

Исследование, проведенное на основе интервью с медработниками, которые имели опыт ухода за тяжелобольными, проливает некоторый свет на роль веры у людей, находящихся в терминальном состоянии [18]. Авторы констатируют отсутствие однозначных результатов: роль веры в борьбе со смертью весьма индивидуализирована и вариативна. Вера в терминальных состояниях оказывает положительное воздействие, поскольку наполняет последние дни жизни смыслом, успокаивает, утешает, дает луч надежды. Вместе с тем вера способна наделять человека ложной надеждой и затруднить копинг-поведение, также человек может интерпретировать свое положение как богооставленность, что будет сильно сказываться на психологическом благополучии.

При изучении жизненного опыта людей с пороками сердца (США, штат Огайо) на основе интервью и психологических методик рассматривались различные психологические ресурсы и их влияние на благополучие пациентов [34]. Респонденты указали на наличие в их жизни многих ресурсов: как психологических (позитивный смысл³, духовность и религиозность, социальная поддержка), так и медицинских. Позитивный смысл и духовность / религиозность оказались обратно пропорционально связаны с симптомами депрессии, в то время как социальная поддержка связана с более высокой степенью страха смерти (выявлено при повторном опросе три месяца спустя). Как выяснилось, одними из наиболее важных факторов для респондентов в их жизненной ситуации, которые помогают им справляться со стрессом, являются смысл жизни и благодарность.

Близкие результаты зафиксированы и в исследовании качества жизни взрослых людей, страдающих параличом [16]. Так, общее качество жизни в значительной мере связано с духовным благополучием (преимущественно со шкалой экзистенциального благополучия) и находится в обратной зависимости со степенью депрессии. Таким образом, результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что религиозность и духовность по самооценке людей, страдающих различными недугами, оказывают положительное влияние на их внутреннее состояние. Этот же факт подтверждается и результатами различных психологических методик, как правило, используемых в данных исследованиях.

* * *

Вопрос о самооценке людьми удовлетворенности различными сторонами собственной жизни, в частности, собственной религиозностью / духовностью, очевидно, имеет ряд недостатков, как и любой другой прямой вопрос. Более того, вопрос, связанный с оценкой собственной духовности, может поставить респондента в тот же тупик, что и вопрос об уровне его скромности. Интерпретация ответов также требует сопряжения с другими переменными (например, религиозным поведением), потому что можно быть объективно бездуховным и нерелигиозным и быть вполне удовлетворенным этим. Тем не менее результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что прямой вопрос о самооценке духовности вполне валиден.

Идею о том, что индекс личного благополучия (Personal Well-being Index — PWI), строящийся на переменных, отражающих самооценку

³ Позитивный смысл — показатель, представляющий собой сумму категорий, которые назвали респонденты, отвечая на вопрос: «Что наполняет Вашу жизнь смыслом?» [34, р. 215].

респондентами удовлетворенности различными сторонами жизни, необходимо дополнить переменной, характеризующей *удовлетворенность собственной религиозностью и духовностью*, нашла свое отражение в проекте, осуществленном в Боготе (Колумбия) [39]. В эмпирическом исследовании (репрезентативная выборка, $n=830$) были протестированы международный индекс благополучия (International Well-being Index — IWI), индекс личного благополучия и переменные, характеризующие удовлетворенность духовностью и религиозностью. Эмпирические данные подтвердили согласованность пунктов шкал, а регрессионный анализ показал наличие вклада удовлетворенности духовностью или религиозностью в общую оценку собственной жизни. Выявлено, что личное благополучие тесно связано с уровнем доходов (прямая связь). Выявлена U-образная связь личного благополучия с возрастом. Респонденты, состоящие в официальном браке, показали более высокие значения по шкале личного благополучия, чем живущие в незарегистрированном браке. Этот показатель у людей, потерявших супругов, а также безработных ниже нормы. Что касается удовлетворенности духовностью, то выявлены половозрастные особенности. У женщин наблюдается более высокая степень удовлетворенности, в большей мере удовлетворены духовностью и старшие группы респондентов. Кроме того, был обнаружен интересный факт: среднее значение уровня удовлетворенности духовностью возрастает пропорционально числу детей в семье (домохозяйстве), что может быть объяснено более глубокой религиозностью многодетных респондентов. Таким образом, автор данной работы предлагает эмпирическое обоснование введения показателя самооценки удовлетворенности религией и духовностью как новой переменной в индексе личного благополучия.

В другом исследовании, проведенном в Каталонии, где задавался аналогичный прямой вопрос о самооценке духовности, сделаны выводы о необходимости различать в формулировках вопросов анкеты религиозность и духовность [10]. Если на достаточно абстрактном уровне религиозность и духовность можно рассматривать как категории одного порядка в контексте значимых компонентов, влияющих на субъективное восприятие жизни, то на уровне индивидов эти понятия могут иметь различную коннотацию. Так, молодые каталонцы считают, что традиционная религия не столь важна для их собственного благополучия, поскольку не дает им ответ на вопрос о смысле жизни. По их мнению, духовность играет в их жизни более важную роль, чем религия. Это более характерно для старших подростков. По мере взросления увеличивается удовлетворенность духовностью, а это, в отличие от других переменных, влияет и на рост удовлетворенности жизнью в целом.

Авторы рассматриваемого исследования предлагают для более глубокого изучения некоторых аспектов благополучия молодых людей включить в опрос шкалу экзистенциального чувства осмысленности (Existential Sense of Meaning Scale) [10, p. 43]. Респондентам предлагалось оценить степень важности каждого из семнадцати пунктов, которые характеризуют наполненность жизни человека смыслом («быть счастливым», «делать других людей счастливыми», «иметь семью», «пользоваться уважением людей», «чувствовать свою полезность для других людей» и др.). Результаты подтвердили, что эта шкала вносит больший вклад в общую удовлетворенность жизнью, чем самооценка счастья.

Рассмотрим несколько исследований, посвященных анализу субъективного благополучия в контексте религиозности в нехристианской культурной среде, в частности, тот же вопрос о *самооценке духовности у мусульман*.

Основная проблема исследования мусульман Алжира, проведенного в Университете Орана, связана с попыткой понять влияние переменной, отражающей уровень удовлетворенности религиозностью / духовностью, на общий уровень удовлетворенности жизнью и индекс личного благополучия (PWI) [36]. Обращает на себя внимание то, что уровень удовлетворенности религиозностью не связан с возрастом респондентов, уровнем их образования и числом детей. Обнаружено, что наиболее удовлетворены своей религиозностью женщины, семейные люди, респонденты из регионов Сахары, в отличие от проживающих в других областях страны, а также те респонденты, которые полагают, что их финансовая ситуация улучшается. Заметим, что географический фактор благополучия связан с культурными особенностями: население, проживающее в регионе Сахары, характеризуется высокой традиционностью и религиозностью.

В исследовании качества жизни студентов Кувейтского университета ($n=224$) автор приходит к выводу о том, что оценка респондентами собственной религиозности и силы их религиозных убеждений соотносится с субъективным благополучием и качеством жизни [8]. Однако самооценка религиозности статистически значимо не связана с интегральным показателем качества жизни по методике Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization Quality of Life-Brief). Связь имеется только с отдельными переменными (психологическое здоровье, социальные отношения, окружающая среда). Это же подтвердилось и с помощью факторного анализа — переменные самооценки религиозности образовали отдельный фактор, что находится в некотором противоречии с ранее проведенными исследованиями мусульманской религиозности [8, p. 1139–1140].

В другом исследовании исламской религиозности, проведенном в Университете Малайя, анализируется влияние религиозности на субъективное благополучие женщин-мусульманок, занимающихся научной и преподавательской деятельностью [9]. Опрос проводился в университетах, в которых поощряются и поддерживаются исламские ценности (n=315). Религиозность анализировалась по поведенческим компонентам, включающим молитву, верования (религиозные убеждения) и поклонение. В личном благополучии (personal well-being) было выделено три основных компонента: удовлетворенность работой, семейной жизнью и жизнью в целом. Все пункты использованных в исследовании шкал (благополучие, религиозность, убеждения и поклонение, а также молитва) имеют высокий уровень согласованности, а сами шкалы статистически значимо коррелируют друг с другом. Обращает на себя внимание тот факт, что самая слабая связь обнаружена между личным благополучием и молитвой.

Следует заметить, что самооценка людьми отдельных сторон их жизни во многом зависит от той культуры, которой они принадлежат. Так, для иранцев-мусульман самооценка играет важную роль в духовной жизни и является одной из традиционных культурных черт [23]. Результаты анализа религиозности студентов-мусульман Тегеранского университета показывают, что самооценка служит одним из посредников в отношениях между духовностью и субъективным благополучием.

Таким образом, духовность в среде мусульман является значимым предиктором самооценки, которая, в свою очередь, вносит вклад в общее субъективное благополучие. В других культурных контекстах такую роль медиатора могут играть другие компоненты культуры, в частности, ценности — ориентированность на индивидуализм или коллективизм. Рассмотрим несколько исследований, затрагивающих данную проблематику.

Китайскими исследователями была предпринята попытка выявления культурных различий в субъективном благополучии последователей различных религий, присутствующих на территории Китая, а также атеистов [35]. В опросе была использована шкала социально-ориентированного культурного понимания субъективного благополучия (Socially Oriented Cultural Conception of Subjective Well-Being Scale) для изучения коллективистских и индивидуалистических аспектов благополучия. Основной целью стало сравнение оценки собственного благополучия, а также направленности социальной ориентации различных религиозных групп (буддистов, таоистов, христиан), а также атеистов. В результате исследования, в котором принял участие 451 респондент, оказалось, что социально-ориентированное понимание субъективного благополучия наиболее выражено среди буддистов, далее следуют (в порядке убывания) таоисты, атеисты и христиане.

Данная шкала позволяет не только измерить уровень благополучия, но и понять способы его достижения. Так, люди с выраженным социально-ориентированным пониманием субъективного благополучия испытывают счастье, достигнув гармоничных социальных отношений посредством самовоспитания и исполнения ожидаемых от них социальных обязательств. Авторы исследования полагают, что китайские религии являются в большей мере социально-ориентированными, нежели христианство.

О значимости коллективистских ценностей для субъективного благополучия людей, принадлежащих восточным культурам, свидетельствует также и лонгитюдное исследование шанхайских студентов [40]. Такие ценности, как доброта, традиция и послушание помогают людям достичь субъективного благополучия, а индивидуалистические ценности не способствуют улучшению качества жизни, поскольку достижение влияния, социального статуса, материальных благ более связано с индивидом, нежели ориентировано на благополучие других людей.

Принципиальные различия в понимании благополучия, обусловленные культурой, отмечаются и корейскими исследователями. Поскольку благополучие и духовность в различных обществах базируются на различных ценностях, оказывается, что в коллективистских обществах индивидуалистический подход неприменим. В корейской культуре межличностные отношения воспринимаются как один из наиболее важных факторов счастья человека: считается, что взаимоотношения между людьми более ценны, нежели внутреннее эмоциональное состояние [27].

Эти выводы подтверждает и другое исследование духовности и благополучия семейных пар — мигрантов из Кореи, проживающих в США [25]. Духовность во многих семьях респондентов формировалась на основе христианской веры. Выявлены три основные темы, связанные с семейной духовностью: 1) сплоченность семьи, 2) семейная взаимная зависимость и 3) копинг-поведение семьи (совладание с болезнями; молитва за членов семьи, переживающих трудности; социальная поддержка). Семейная сплоченность и взаимная зависимость интерпретированы автором как важные темы семейной духовности, отражающие корейскую коллективистскую культуру.

Заметим, что восточными культурами христианство воспринимается как инокультурное явление, связанное с индивидуалистическими ценностями. Здесь очевидна ключевая роль именно культурного, а не религиозного фактора, определяющего понимание благополучия. В силу этого обстоятельства, можно говорить, что религиозность оказывается каркасом, который наполняется содержанием, свойственным той или иной культуре.

Так, в кросскультурном исследовании религиозности и психологического благополучия студентов университетов пяти стран (Словения, Босния и Герцеговина, Сербия, США и Япония), проведенном по общей методике, выявлено, что оценка качества собственной жизни зависит от особенностей конкретной религии (христианство, ислам, буддизм) и культурного контекста [28]. Различные типы (внутренний, внешний и поисковый) по шкале религиозной ориентации (Religious Orientation Scale — ROS) выявляются четко только на протестантской подвыборке (США). Внутренняя религиозность статистически связана с положительными эмоциями у мусульман из Боснии и протестантов из США. Корреляция между внутренней религиозностью и отрицательными эмоциями выявлена у католиков (Словения) и православных (Сербия). У учащихся из Японии такой связи не обнаружено. Авторы полагают, что более высокий уровень религиозности общества оказывает позитивное и более сильное влияние на взаимосвязь индивидуальной религиозности и психологического благополучия. В менее религиозных средах у практикующих верующих либо более низкие, либо нормальные уровни психологического благополучия.

* * *

Подводя итог, отметим некоторые положения, на которые следует обратить внимание при проведении аналогичного анализа духовности и религиозности в отечественном культурном контексте.

Во многом определяемая культурной самоидентификацией российская православная религиозность представляет собой неоднородное явление. Религиозная периферия и ядро [5, с. 81] — это области, представители которых отличаются друг от друга не только религиозным поведением, но и сознанием: наиболее воцерковленные люди по образу жизни и мировоззрению сильно отличаются от тех, кто лишь считает себя православным. Как показал наш анализ особенностей жизненного мира верующих, при использовании более жестких критериев, характеризующих религиозное поведение, удастся выделить различные по воцерковленности группы верующих, у представителей которых религиозное поведение будет в разной степени согласовано с религиозным сознанием [2]. Таким образом, при изучении субъективного благополучия у православных верующих в качестве независимых переменных необходимо использовать не столько критерий самоидентификации, сколько переменные, характеризующие вовлеченность в церковные практики (посещение церкви, богослужений; участие в таинствах; чтение Библии и др.).

В отечественном контексте для представителей протестантизма и евангельского сообщества критерий религиозного поведения не

имеет столь принципиального значения, как для православных. Для этой группы верующих может оказаться достаточным и критерий самоидентификации, поскольку люди, относящие себя к протестантизму в России, как правило, являются практикующими верующими и более вовлечены в жизнь общины, чем даже сильная группа православных [3]. Исключение может составлять идентификация с протестантизмом, вызванная этническими факторами.

Протестантизм в России, несмотря на разнообразие деноминаций и движений, а также возможности выделения в нем различных типологических групп [1], является достаточно однородным, поэтому можно предположить, что принципиальных различий в оценке субъективного благополучия, вызванных различиями религиозной культуры внутри протестантизма и евангельского христианства, выявлено не будет. Тем не менее данное предположение требует отдельной проверки.

В межконфессиональном сравнении субъективной оценки верующими качества собственной жизни важно также использовать сопоставимые критерии религиозности и духовности в силу наличия конфессиональных и деноминационных особенностей. Так, если для изучения степени религиозности православных и католиков более показательной будет переменная, характеризующая частоту посещения церковных служб или соблюдения церковного поста, то для протестантов — чтение Библии.

Серьезной проблемой является и то обстоятельство, что методики изучения религиозного, экзистенциального, духовного благополучия не переведены на русский язык. В зарубежной науке широко используются различные методики: шкала духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale — SWBS); шкала духовности, религии и личных убеждений (WHOQOL Spirituality, Religion and Personal Beliefs); опросник духовного благополучия (Spiritual Well-Being Questionnaire — SWBQ) и др. Эти методики, учитывающие особенности протестантизма и ориентированные на индивидуалистические ценности западной культуры, требуют адаптации и валидации для изучения российской религиозности.

Еще одно важное обстоятельство в изучении качества жизни верующих — обнаружение «медиаторов благополучия» и выяснение их роли. Анализ зарубежных исследований показал, что *осмысленность жизни* — это важный фактор субъективного благополучия независимо от культурного контекста. Религия в соответствии со своими функциями предлагает верующим систему мировоззренческих координат и способствует становлению осмысленности жизни, которая вносит положительный вклад в субъективное благополучие. Возникающие здесь вопросы связаны с тем, насколько чувство осмысленности жиз-

ни является производным от религиозных убеждений и в какой мере это чувство влияет на субъективное благополучие.

В подавляющем большинстве исследований результаты анализа влияния религиозной веры на качество жизни свидетельствуют, что религиозность оказывает положительное влияние на субъективное благополучие верующих. Особый интерес представляет не только анализ вклада личной религиозности и духовности в отдельные объективные и субъективные индикаторы качества жизни, но и изучение репертуара копинг-стратегий (религиозных практик), используемых верующими для совладания с жизненными трудностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белов А.Э.* Культурная типология протестантских конфессий в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5. С. 30–37.
2. *Дивисенко К.С.* Тесным путем и в нужном направлении: проблема выявления сильной группы православных верующих // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 128–138.
3. *Дивисенко К.С., Белов А.Э., Тупахина О.В.* Межконфессиональные особенности практической составляющей структуры религиозного жизненного мира // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 6. С. 30–35.
4. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. [Диск CD, ISBN 978-6-89697-157-3.]
5. *Синелина Ю.Ю.* Насколько православны наши православные // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 8. С. 78–81.
6. *Смирнов М.Ю.* Социология религии: Словарь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2011. — 412 с.
7. *Степанова Е.А.* Новая духовность и старые религии // Свободная мысль. 2010. № 11. С. 113–126.
8. *Abdel-Khalek A.* Quality of life, subjective well-being, and religiosity in Muslim college students // Quality of Life Research. 2010. Vol. 19 (8). P. 1133–1143. DOI: 10.1007/s11136-010-9676-7
9. *Achour M., Grine F., Nor M.R.M., Mohd Yusoff M.Y.Z.* Measuring religiosity and its effects on personal well-being: a case study of Muslim female academicians in Malaysia // Journal of Religion and Health. 2014. Vol. 54 (3). P. 984–997. DOI: 10.1007/s10943-014-9852-0
10. *Casas F., González M., Figuer C., et al.* Satisfaction with spirituality, satisfaction with religion and personal well-being among Spanish adolescents and young university students // Applied Research Quality Life. 2009. Vol. 4. P. 23–45. DOI: 10.1007/s11482-009-9066-x

11. *Colbert L., Jefferson J., Gallo R., Davis R.* A Study of religiosity and psychological well-being among African Americans: Implications for counseling and psychotherapeutic processes // *Journal of Religion and Health*. 2009. Vol. 48 (3). P. 278–289. DOI: 10.1007/s10943-008-9195-9
12. *Cummins R. A., Eckersley R., Pallant J., Van Vugt J., Misajon R.* Developing a national index of subjective wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64. P. 159–190. DOI: 10.1023/A:1024704320683
13. *Daaleman T.* Belief and Subjective Well-Being in Outpatients // *Journal of Religion and Health*. 1999. Vol. 38 (3). P. 219–227. DOI: 10.1023/A:1022980617885
14. *Diener E.* Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95 (3). P. 542–575. DOI: 10.1037/0033-2909.95.3.542
15. *Diener E., Emmons R. A., Larsen R., Griffin S.* The Satisfaction with life scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. Is. 1. P. 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
16. *Finocchiaro D.N., Roth P.A., Connelly C.D.* Spiritual well-being as predictor of quality of life for adults with paraplegia // *Rehabilitation Nursing*. 2014. Vol. 39. P. 285–293. DOI: 10.1002/rnj.161
17. *Fuller R.C.* *Spiritual, but not Religious: Understanding Unchurched America*. New York: Oxford University Press, 2001. — 224 с.
18. *Granero-Molina J., Díaz Cortés M.M., Márquez Membrive J., Castro-Sánchez A.M., López Entrambasaguas O.M., Fernández-Sola C.* Religious faith in coping with terminal cancer: what is the nursing experience? // *European Journal of Cancer Care*. 2014. Vol. 23. P. 300–309. DOI: 10.1111/ecc.12150
19. *Hasson-Ohayon I., Braun M., Galinsky D., Baider L.* Religiosity and hope: a path for women coping with a diagnosis of breast cancer // *Psychosomatics*. 2009. Vol. 50 (5). P. 525–533. DOI: 10.1176/appi.psy.50.5.525.
20. *Holt C.L., Clark E.M., Wang M.Q., Williams B.R., Schulz E.* The religion–health connection among African Americans: What is the role of social capital? // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2014. Vol. 25. P. 1–18. DOI: 10.1002/casp.2191
21. *Hudson D.L., Purnell J.Q., Duncan A.E., et al.* Subjective religiosity, church attendance, and depression in the National Survey of American Life // *Journal of Religion and Health*. 2015. Vol. 54. Is. 2. P. 584–597. DOI: 10.1007/s10943-014-9850-2
22. *Johnson T.J., Sheets V.L., Kristeller J.L.* Empirical identification of dimensions of religiousness and spirituality // *Mental Health, Religion & Culture*. 2008. Vol. 11. Is. 8. P. 745–767. DOI: 10.1080/13674670701561209
23. *Joshanloo M., Daemi F.* Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran // *International Journal of Psychology*. 2015. Vol. 50. P. 115–120. DOI: 10.1002/ijop.12061
24. *Jung J.H.* Sense of divine involvement and sense of meaning in life: Religious tradition as a contingency // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2015. Vol. 54. P. 119–133. DOI: 10.1111/jssr.12170

25. *Kim S.S., Kim-Godwin Y.S., Koenig H.G.* Family spirituality and family health among Korean-American elderly couples // *Journal of Religion and Health*. 2016. Vol. 55. Is. 2. P. 729–746. DOI: 10.1007/s10943-015-0107-5
26. *Kress V.E., Newgent R.A., Whitlock J., Mease L.* Spirituality/religiosity, life satisfaction, and life meaning as protective factors for nonsuicidal self-injury in college students // *Journal of College Counseling*. 2015. Vol. 18. P. 160–174. DOI: 10.1002/jocc.12012
27. *Kwon S.* Well-being and spirituality from a Korean perspective: Based on the study of culture and subjective well-being // *Pastoral Psychology*. 2008. Vol. 56. No. 5. P. 73–584. DOI: 10.1007/s11089-008-0134-1
28. *Lavrič M., Flere S.* The role of culture in the relationship between religiosity and psychological well-being // *Journal of Religion and Health*. 2008. Vol. 47 (2). P. 164–175. DOI: 10.1007/s10943-008-9168-z
29. *Lechner C.M., Leopold T.* Religious attendance buffers the impact of unemployment on life satisfaction: Longitudinal evidence from Germany // *Journal for the scientific study of religion*. 2015. Vol. 54. P. 166–174. DOI: 10.1111/jssr.12171
30. *Lichter D.T., Carmalt J.* Religion and marital quality among low-income couples // *Social Science Research*. 2009. Vol. 38. P. 168–187. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.07.003
31. *Moon Y.S., Kim D.H.* Association between religiosity/spirituality and quality of life or depression among living-alone elderly in a South Korean city // *Asia-Pacific Psychiatry*. 2013. Vol. 5. P. 293–300. DOI: 10.1111/appy.12025
32. *Poloma M., Pendleton B.* Religious domains and general well-being // *Social Indicators Research*. 1990. Vol. 22 (3). P. 255–276. DOI: 10.1007/BF00301101
33. *Rakrachakarn V., Moschis G.P., Ong F.S., et al.* Materialism and life satisfaction: The role of religion // *Journal of Religion and Health*. 2015. Vol. 54. Is. 2. P. 413–426. DOI: 10.1007/s10943-013-9794-y
34. *Sacco S.J., Park C.L., Suresh D.P., Bliss D.* Living with heart failure: Psychosocial resources, meaning, gratitude and well-being // *Heart & Lung*. 2014. Vol. 43. P. 213–218. DOI: 10.1016/j.hrtlng.2014.01.012
35. *Shiah Y., Chang F., Chiang S., et al.* Religion and subjective well-being: Western and Eastern religious groups achieved subjective well-being in different ways // *Journal of Religion and Health*. 2016. Vol. 55. P. 1263–1269. DOI: 10.1007/s10943-014-9905-4
36. *Tiliouine H.* Measuring satisfaction with religiosity and its contribution to the personal well-being index in a Muslim sample // *Applied Research in Quality of Life*. 2009. Vol. 4. P. 91–108. DOI: 10.1007/s11482-009-9074-x
37. WHOQOL SRPB Group. A cross-cultural study of spirituality, religion, and personal beliefs as components of quality of life // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62. Is. 6. P. 1486–1497. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.08.001
38. *Wilchek-Aviad Y., Malka M.* Religiosity, meaning in life and suicidal tendency among jews // *Journal of Religion and Health*. 2016. Vol. 55. Is. 2. P. 480–494. DOI: 10.1007/s10943-014-9996-y
39. *Wills E.* Spirituality and subjective well-being: Evidences for a new domain in the Personal Well-Being Index // *Journal of Happiness Studies*. 2009. Vol. 10. P. 49–69. DOI: 10.1007/s10902-007-9061-6

40. Zhang K.C., Hui C.H., Lam J., et al. Personal spiritual values and quality of life: Evidence from Chinese college students // Journal of Religion and Health. 2014. Vol. 53. Is. 4. P. 986–1002. DOI: 10.1007/s10943-013-9686-1

Дата поступления: 25.11.2016.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2017. VOL. 23. NO. 2. P. 51–73. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5159

K.S. DIVISENKO, A.E. BELOV

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russian Federation.

Konstantin S. Divisenko — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences.

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, 190005, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (812) 316-21-62. **Email:** k.divisenko@socinst.ru

Alexei E. Belov — Associated member, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, 190005, St Petersburg, Russian Federation. **Email:** abelov@spbcu.ru

SOCIAL STUDIES OF SUBJECTIVE WELL-BEING

IN THE CONTEXT OF SPIRITUALITY AND RELIGIOUSNESS

Abstract. The transformation of religious life in Russian society, which has been occurring during the last two decades, defines the need for an academic reconsideration of the influence of religion on both the macro and micro-levels of social reality, including the influence on the quality of people's lives. Studies of religiousness and the well-being of the people has become a traditional field for analysis in foreign humanities and social sciences since the late 1980's. In Russian sociology, the problem of the interconnection between quality of life and individual spirituality and religiousness is characterized by a lack of studies and a lack of relevant methodological instruments. This article presents a brief review of contemporary foreign studies dedicated to the empirical exploration of life quality and the influence of individual spirituality and religiosity on subjective well-being. Said review provides an idea of the various approaches towards the operationalization of well-being in empirical studies and the scales used within them. Special attention is paid to describing the connection and dependence between variables that reflect cognitive and affective aspects of subjective well-being, as well as the factors which affect believers' evaluation of their own life. The authors note the influence of confessed religion, inter-confessional peculiarities, values and common cultural context on how people perceive well-being and how they choose the necessary strategy for evaluating the latter. The end of the article presents conclusions in relation to the possibility of studying the influence of spirituality and religiousness on subjective well-being in the context of Russia.

Keywords: spirituality; quality of life; religiousness; sociology of religion; subjective well-being; life satisfaction.

For citation: Divisenko K.S., Belov A.E. Social studies of subjective well-being in the context of spirituality and religiousness. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 51–73. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5159

REFERENCES

1. Belov A.E. Cultural typology of protestant confessions within the cultural-social space of St Petersburg. "Teleskop": Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2011. No. 5. P. 30–37. (In Russ.)
2. Divisenko K.S. Strait Gate in a Right Direction: Problem of Recognizing Strong Group of Orthodox Believers. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. No. 10. P. 128–138. (In Russ.)
3. Divisenko K.S., Belov A.E., Tupakhina O.V. Crossconfessional Peculiarities of the Practical Component of the Structure of Believers' Lifeworld. "Teleskop": Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2013. No. 6. P. 30–35. (In Russ.)
4. Osin E.N., Leontyev D.A. Approbation of Russian versions of the two scales of express-evaluation of subjective wellbeing. Materials of III Russian sociological congress. Moscow: Institute of Sociology, RAS publ., 2008. [CD, ISBN 978-6-89697-157-3.] (In Russ.)
5. Sinelina Y.Y. How Orthodox Our Orthodox Are. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. 2012. No. 8. P. 78–81. (In Russ.)
6. Smirnov M.Y. Sociology of Religion: Dictionary. [Sotsiologiya religii: Slovar'.] St Petersburg: Publishing house of St Petersburg University publ., 2011. 412 p. (In Russ.)
7. Stepanova E.A. New Spirituality and Old Religions. Svobodnaya mysl'. 2010. No. 11. P. 113–126. (In Russ.)
8. Abdel-Khalek A. Quality of life, subjective well-being, and religiosity in Muslim college students. Quality of Life Research. 2010. Vol. 19 (8). P. 1133–1143. DOI: 10.1007/s11136-010-9676-7
9. Achour M., Grine F., Nor M.R.M., MohdYusoff M.Y.Z. Measuring religiosity and its effects on personal well-being: a case study of Muslim female academicians in Malaysia. Journal of Religion and Health. 2014. Vol. 54 (3). P. 984–997. DOI: 10.1007/s10943-014-9852-0
10. Casas F., González M., Figuer C., et al. Satisfaction with spirituality, satisfaction with religion and personal well-being among Spanish adolescents and young university students. Applied Research Quality Life. 2009. Vol. 4. P. 23–45. DOI: 10.1007/s11482-009-9066-x
11. Colbert L., Jefferson J., Gallo R., Davis R. A Study of religiosity and psychological well-being among African Americans: Implications for counseling and psychotherapeutic processes. Journal of Religion and Health. 2009. Vol. 48 (3). P. 278–289. DOI: 10.1007/s10943-008-9195-9
12. Cummins R. A., Eckersley R., Pallant J., Van Vugt J., Misajon R. Developing a national index of subjective wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index. Social Indicators Research. 2003. Vol. 64. P. 159–190. DOI: 10.1023/A:1024704320683
13. Daaleman T. Belief and Subjective Well-Being in Outpatients. Journal of Religion and Health. 1999. Vol. 38 (3). P. 219–227. DOI: 10.1023/A:1022980617885
14. Diener E. Subjective well-being. Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95 (3). P. 542–575. DOI: 10.1037/0033-2909.95.3.542
15. Diener E., Emmons R. A., Larsen R., Griffin S. The Satisfaction with life scale. Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. Is. 1. P. 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
16. Finocchiaro D.N., Roth P.A., Connelly C.D. Spiritual well-being as predictor of quality of life for adults with paraplegia. Rehabilitation Nursing. 2014. Vol. 39. P. 285–293. DOI: 10.1002/rnj.161
17. Fuller R.C. Spiritual, but not Religious: Understanding Unchurched America. New York: Oxford University Press, 2001. 224 p.
18. Granero-Molina J., Díaz Cortés M.M., Márquez Membrive J., Castro-Sánchez A.M., López Entrambasaguas O.M., Fernández-Sola C. Religious faith in coping with terminal cancer: what is the nursing experience? European Journal of Cancer Care. 2014. Vol. 23. P. 300–309. DOI: 10.1111/ecc.12150

19. Hasson-Ohayon I., Braun M., Galinsky D., Baider L. Religiosity and hope: a path for women coping with a diagnosis of breast cancer. *Psychosomatics*. 2009. Vol. 50 (5). P. 525–533. DOI: 10.1176/appi.psy.50.5.525.
20. Holt C.L., Clark E.M., Wang M.Q., Williams B.R., Schulz E. The religion–health connection among African Americans: What is the role of social capital?. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2014. Vol. 25. P. 1–18. DOI: 10.1002/casp.2191
21. Hudson D.L., Purnell J.Q., Duncan A.E., et al. Subjective religiosity, church attendance, and depression in the National Survey of American Life. *Journal of Religion and Health*. 2015. Vol. 54. Is. 2. P. 584–597. DOI: 10.1007/s10943-014-9850-2
22. Johnson T.J., Sheets V.L., Kristeller J.L. Empirical identification of dimensions of religiousness and spirituality. *Mental Health, Religion & Culture*. 2008. Vol. 11. Is. 8. P. 745–767. DOI: 10.1080/13674670701561209
23. Joshanloo M., Daemi F. Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran. *International Journal of Psychology*. 2015. Vol. 50. P. 115–120. DOI: 10.1002/ijop.12061
24. Jung J.H. Sense of divine involvement and sense of meaning in life: Religious tradition as a contingency. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2015. Vol. 54. P. 119–133. DOI: 10.1111/jssr.12170
25. Kim S.S., Kim-Godwin Y.S., Koenig H.G. Family spirituality and family health among Korean-American elderly couples. *Journal of Religion and Health*. 2016. Vol. 55. Is. 2. P. 729–746. DOI: 10.1007/s10943-015-0107-5
26. Kress V.E., Newgent R.A., Whitlock J., Mease L. Spirituality/religiosity, life satisfaction, and life meaning as protective factors for nonsuicidal self-injury in college students. *Journal of College Counseling*. 2015. Vol. 18. P. 160–174. DOI: 10.1002/jocc.12012
27. Kwon S. Well-being and spirituality from a Korean perspective: Based on the study of culture and subjective well-being. *Pastoral Psychology*. 2008. Vol. 56. No. 5. P. 73–584. DOI: 10.1007/s11089-008-0134-1
28. Lavrič M., Flere S. The role of culture in the relationship between religiosity and psychological well-being. *Journal of Religion and Health*. 2008. Vol. 47(2). P. 164–175. DOI: 10.1007/s10943-008-9168-z
29. Lechner C.M., Leopold T. Religious attendance buffers the impact of unemployment on life satisfaction: Longitudinal evidence from Germany. *Journal for the scientific study of religion*. 2015. Vol. 54. P. 166–174. DOI: 10.1111/jssr.12171
30. Lichter D.T., Carmalt J. Religion and marital quality among low-income couples. *Social Science Research*. 2009. Vol. 38. P. 168–187. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.07.003
31. Moon Y.S., Kim D.H. Association between religiosity/spirituality and quality of life or depression among living-alone elderly in a South Korean city. *Asia-Pacific Psychiatry*. 2013. Vol. 5. P. 293–300. DOI: 10.1111/appy.12025
32. Poloma M., Pendleton B. Religious domains and general well-being. *Social Indicators Research*. 1990. Vol. 22 (3). P. 255–276. DOI: 10.1007/BF00301101
33. Rakrachakarn V., Moschis G.P., Ong F.S., et al. Materialism and life satisfaction: The role of religion. *Journal of Religion and Health*. 2015. Vol. 54. Is. 2. P. 413–426. DOI: 10.1007/s10943-013-9794-y
34. Sacco S.J., Park C.L., Suresh D.P., Bliss D. Living with heart failure: Psychosocial resources, meaning, gratitude and well-being. *Heart & Lung*. 2014. Vol. 43. P. 213–218. DOI: 10.1016/j.hrtlng.2014.01.012
35. Shiah Y., Chang F., Chiang S., et al. Religion and subjective well-being: Western and Eastern religious groups achieved subjective well-being in different ways. *Journal of Religion and Health*. 2016. Vol. 55. P. 1263–1269. DOI: 10.1007/s10943-014-9905-4
36. Tiliouine H. Measuring satisfaction with religiosity and its contribution to the personal well-being index in a Muslim sample. *Applied Research in Quality of Life*. 2009. Vol. 4. P. 91–108. DOI: 10.1007/s11482-009-9074-x

37. WHOQOL SRPB Group. A cross-cultural study of spirituality, religion, and personal beliefs as components of quality of life. *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62. Is. 6. P. 1486–1497. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.08.001
38. Wilchek-Aviad Y., Malka M. Religiosity, meaning in life and suicidal tendency among jews. *Journal of Religion and Health*. 2016. Vol. 55. Is. 2. P. 480–494. DOI: 10.1007/s10943-014-9996-y
39. Wills E. Spirituality and subjective well-being: Evidences for a new domain in the Personal Well-Being Index. *Journal of Happiness Studies*. 2009. Vol. 10. P. 49–69. DOI: 10.1007/s10902-007-9061-6
40. Zhang K.C., Hui C.H., Lam J., et al. Personal spiritual values and quality of life: Evidence from Chinese college students. *Journal of Religion and Health*. 2014. Vol. 53. Is. 4. P. 986–1002. DOI: 10.1007/s10943-013-9686-1

Received: 25.11.2016.
